

искусства. Правда, в значительной мере эта культурная разобщенность республик и областей СССР обуславливалась тем

Нико Пироманишвили (Грузия) Дворник

временным их погружением в самих себя, которое вызвано было лихорадочной работой первого, восстановительного периода. Но наступил момент, когда дальнейшее взаимное „незнакомство“ народов в СССР стало для советского гражданского сознания уже чем-то абсолютно недопустимым.

II

Восполнить этот пробел, пролить свет на картину современного творческого брожения СССР — такова была большая и новая задача, инициативу которой взяла на себя Государственная академия художественных наук, решив организовать выставку — „Искусство народов СССР“. Знаменательно, что призыв выставочного комитета нашел горячие отклики на местах — почти во всех союзных и автономных республиках и областях. Идея культурного смотра СССР, очевидно, назрела! И действительно, если вначале для самих устроителей выставки было еще неясно, к чему

приведет их „эксперимент“, и раздавались даже скептические голоса, то вскоре же выяснилось, что „улов“ ожидается необычайный. Комитет вы-

ставки совершенно правильно поставил перед собой синтетические задачи выявить художественную культуру СССР во всем ее комплексе, т. е. показать и кустарное творчество, и индивидуальное искусство, и театр, и кино, и литературу. Однако, показать все это под одной кровлей оказалось невозможным — как это ни странно, но столица СССР еще не имеет выставочного здания, достаточно просторного не только для подобного гостеприимства во „всесоюзном масштабе“, но и вообще для больших выставок! Пришлось отказаться от „единства места“ и развернуть выставку по трем различным линиям: кустарного творчества, национальной литературы и изобразительного искусства. От этой разбивки, разумеется, пострадала идея синтетичности выставки, идея показа художественной культуры во всей органической связи ее отдельных разветвлений. Но это не лишило каждый из отделов выставки его большой значимости. В частности, именно отдел „Изо“ явился для нас *подлинным откровением*. Здесь впервые обнаружилась вчера еще неведомая для нас страна — в полном смысле слова *terra incognita*.

Когда в 1926 году АХРР устроила выставку „Жизнь и быт народов СССР“, явившуюся результатом первой вылазки художников-москвичей „на места“, их „гастрольной“ поездки по СССР, многие увидели в этом огромное „дерзание“, едва ли не чудо. Теперь произошло еще большее чудо — эти самые „места“, вплоть до далеких окраин, сами пожаловали в Москву. Мы увидели уже не этюды москвичей, поехавших „по СССР“, а живопись самих национальных художников СССР, кровно связанных с тем или иным краем. Конечно, выставка далеко не лишена изъянов — на ней слабо представлена Татарстан, отсутствует Сибирь (по причине их „домашних“ юбилейных выставок), совсем отсутствует Крым. И, однако, охват выставки — более чем внушительный. Искусство дальневосточного края, крайнего севера Карелии, Чувашии, Башкирии, Средней Азии, Кавказа, Украины, Белоруссии. Поистине — „от финских хладных скал до пламенной Колхиды“. Впрочем, можно ли цитировать слова Пушкина применительно к этой выставке, совсем не державно-патриотической, на которой искусство Москвы и Ленинграда не показано, как раз из соображений, обратных этому патриотизму, — чтобы тем гостеприимнее и шире показать „нерусское“ искусство.

В том, что выставка открылась в дни Октябрьского юбилея, не оказалось никакой натяжки. Она явилась блестящей демонстрацией именно Октябрьских достижений. Вот в первом ее этаже, наравне с художниками-одиночками, целый ряд художественных национальных обществ: Белоруссии, Грузии, Армении,

Украины; все они, как уже сказано, плоды последних лет. Вот во втором ее этаже целая вереница художественных школ — техникумы Омска, Ярославля, Витебска, Баку, Эривани, Академия художеств Грузии, Киевский художественный институт и даже первые скромные школы в Ашхабаде и Ташкенте.

Ладо Гудиашвили (Грузия)

Охота

Вся эта сеть художественного образования — также детище Октября.

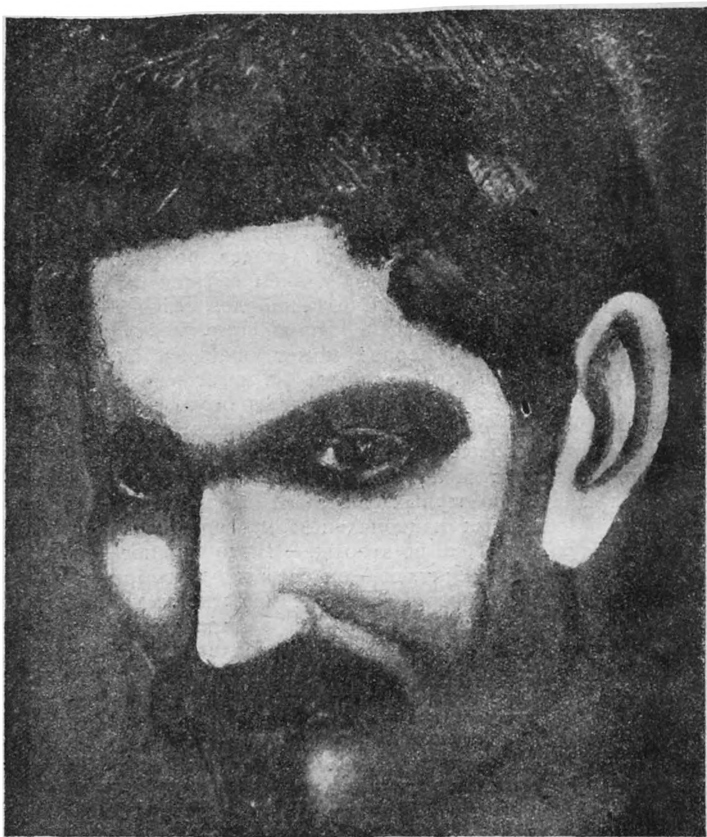
Было бы, разумеется, наивно предполагать, что все представленное на выставке — некий „самопроизвольный плод“ национальной культуры. Здесь имеются художники, некогда

окончившие московскую художественную школу, связанные с Москвой или за границей (как, например, народный художник Армении Сарьян). С другой стороны, есть молодые художники-националы, продолжающие свое художественное образование в Москве (например, Чуйков — из Киргизии, Филиппович — из Белоруссии или туркмен Бяшим-Нурали. В виде исключения имеются здесь и русские художники, как, например, Лансер, связанный с Грузией своим профессорством в грузинской Академии художеств и с Арменией своей серией зангезурских работ по заказу Госмузея Армении. Но и это смещение национальных кровей не ослабляет общего значения выставки.¹

На ахроровской выставке 1926 г. „Жизнь и быт народов СССР“, наравне с расположением экспонатов по отдельным республикам, был выделен особый „раздел формальных исканий“. Этим искусственным выделением его как бы утверждалось, что изображение жизни и быта народов СССР, — это одно (нечто „этнографическое“), а формальные искания — нечто совсем другое, и что первое может обойтись без второго. И вот перед нами второе чудо: на выставке, „Искусство народов СССР“ 1927 г. такого разделения уже нет и не может быть. Правда, здесь нет особо выдающихся шедевров, а местами видны и первые, еще робкие шаги впервые выступающих на поприще искусства народностей (север, Чувашия, отчасти Башкирия). Но, во-первых, выставка вскрывает перед нами целый ряд отличных национальных мастеров живописи, графики и скульптуры, а во-вторых — и это главное — средний ее уровень *не провинциален* — он свеж и разнообразен. Халтуры здесь нет. Конечно, местная „самобытность“ пробивается здесь не в одинаковой мере. Так, в ряде вещей мы видим некое общее влияние ахроровского натурализма; в ряде экспонатов белорусской живописи — весьма грамотные отзвуки московского Вхутемаса, московского сезаннизма (только, пожалуй,

¹ Неисповедимыми путями движется искусство национальностей. Так, белорус, еврей из Витебска, Мазель, является одним из пионеров художественного пробуждения туркменской молодежи. Это столь характерно, что стоит рассказать. Были двадцатые годы. Поарм славы армии Туркфронта, в которой служил Мазель, основал в Асхабаде художественную студию для красноармейцев всех национальностей этой армии — это была первая в о о б щ е художественная студия в Туркмении. Студию эту поддержала и... Среднеазиатская железная дорога. Проникли в нее и туземцы, обучением которых руководил Мазель. Однажды пришел со своим ишаком молочник, молодой Бяшим-Нурали, и попросил дать и ему „порисовать“. Теперь из него выработался несомненный талант, и он фигурирует на московской выставке так же, как и Мазель. Славные, фантастические, фурмановские времена, когда революционные войска основывали очаги художественного просвещения, когда художники из Витебска вылавливали туземные дарования в Средней Азии!..

в белорусском рисунке и графике, у Бразера и Юдовина есть нечто индивидуальное — от местечек и сел Белоруссии). Но уже на искусстве Армении и особенно Грузии лежит печать некой

Г. Григорян (Армения). — *«Место к жизни»* Портрет С. Г. Шаумяна

локальной „неповторимости“ — так же, как и на молодых течениях украинского искусства.

Сплошь огневеющая солнечная палитра армянских художников, их вкус к ковровой плоскостности (Сарьян) или широкой

панорамности (Гюрджан-Аракелян); суровая и острая выразительность грузинской живописи (Пиросманишвили, Гудиашвили) и мягкий лиризм украинских художников — как все это „непохоже“ друг на друга! Здесь формальные искания не нечто „от лукавого“ — они сплетены с „географией“, с „этнографией“, с образом жизни и чувствования народов.

И в то же время, если мы отвлечемся от всей этой формальной „непохожести“, то увидим на выставке разительные точки соприкосновения в области сюжетики у разных народов СССР — точно некий сговор между ними, несмотря на тысячеверстные пространства, их отделяющие. На самом деле эта переключка вовсе, конечно, не программного, а самого жизненного происхождения. Это революция привела художников СССР к одним и тем же чувствам и мыслям. Так, чуваша, башкиры и грузины изображают сбор налогов, выколачивание податей при старом режиме — воспоминание о произволе чиновников, которое, очевидно, ничем не выколотишь из памяти! Затем, в качестве общих тем идут воспоминания о рабочих забастовках, о восстаниях, о погромах и расстрелах эпохи гражданской войны (в частности в украинской живописи), а далее — образы погибших или живущих военных и гражданских героев революции (в армянском искусстве — портрет С. Шаумяна и „У гроба вождя“, а также скульптурный бюст Мясникяна, у уральцев — портрет партизана Гуляева и т. д.). Но вот уже и отзвуки нового мирного строительства — избы-читальни в изображении чувашей и украинцев, Загес — в грузинской живописи или Ширакский канал — в армянской. И, наконец, как бы венчающий всю выставку общий аккорд — уголок ленинады, где происходит встреча художников Украины (Пальмов) и Татареспублики, грузинского скульптора (Николадзе) и армянского ткача...

Тов. Сталин, чьи слова взяты мною в виде эпиграфа, прав: культура национальная и культура пролетарская дополняют друг друга. Национальные различия в художественной форме оживаются, как это показывает выставка, с общесоветской, с общественной тематикой — в области „содержания“.